

Г. А. ПОБЕДИМОВА

ИЗ МАТЕРИАЛОВ О ДЕКАБРИСТАХ
В АРХИВНЫХ ФОНДАХ ЛОИИ СССР АН СССР

Архив ЛОИИ СССР, известный богатством и разнообразием своих фондов и коллекций (свыше 200 тыс. ед. хр., охватывающих период с XII по XIX в.), располагает и документами о жизни и деятельности декабристов, а также их письмами, автографами, стихами.

Это прежде всего материалы, освещающие деятельность декабристов старшего поколения — Н. И. Тургенева, М. Ф. Орлова и Ф. Н. Глинки.

В официальном отчете графа М. С. Воронцова, командовавшего 30-тысячным экспедиционным корпусом русских войск во Франции (1818 г.), охарактеризована деятельность Н. И. Тургенева. Исследователями установлено, что из офицеров именно этого корпуса вышло около трети всех декабристов. С этой точки зрения отчет М. С. Воронцова, как и другие материалы, связанные с Отечественной войной 1812 г., находящиеся в Архиве ЛОИИ, еще мало изучен.

Отчет сообщает, что при «рачительном надзоре» г. Тургенева были созданы четыре солдатских училища (в г. Мобеже и других местах), которые «принесли большую пользу к умножению в короткое время грамотных нижних чинов». Командующий Воронцов, не подозревая, насколько он близок к истине, пишет, что «польза от того произошедшая будет долго ощутительна в тех войсках, где бы они ни служили». Восстание 14 декабря показало, что солдатские школы содействовали также и пробуждению политического сознания русских солдат.

Девять писем М. Ф. Орлова охватывают в основном 1818—1821 гг., т. е. время его наибольшей общественной активности. Эти письма из Киева, а затем из Кишинева, где М. Ф. Орлов был начальником 16-й пехотной дивизии (и руководителем Кишиневской управы), адресованы его другу П. Д. Киселеву, начальнику штаба 2-й армии, в Тульчин. Есть также письма, написанные после 14 декабря 1825 г. Переписка обрывается на письме

от 1827 г. из с. Милятино Калужской губернии, куда М. Ф. Орлов был сослан после восстания под надзор полиции.

Кроме того, сохранилось еще одно письмо М. Ф. Орлова в Лондон, послу С. Р. Воронцову (1817 г.), в котором дается яркая характеристика известного французского историка Моренаса, что свидетельствует о связях передовой части русской армии с французской общественностью.

Видным деятелем Союза благоденствия был и полковник Ф. Н. Глинка, поэт и публицист. Письмо митрополиту Евгению (Е. А. Болховитинову), подписанное председателем Вольного общества любителей российской словесности Ф. Н. Глинкой, торжественно извещает о выходе первого номера журнала «Соревнователь просвещения» (31 января 1825 г.). Оно вводит нас в мир литературного Петербурга начала 20-х годов, когда просветительская деятельность Союза благоденствия и одного из его активнейших членов Ф. Н. Глинки приобрела широкий размах (основание вольных обществ, издание альманахов, книг и журналов).

Ф. Н. Глинке принадлежит также небольшой сборник, содержащий черновики его писем, стихотворений и материалы семейного архива, относящиеся в основном к последним десятилетиям его долгой жизни. Сохранилась и копия редкой фотографии, на которой Ф. Н. Глинка снят вместе с женой А. П. Глинка в 1862 г.

Центральное место принадлежит материалам о руководителях Южного и Северного тайных обществ — П. И. Пестеле, К. Ф. Рылееве и князе С. Г. Волконском.

Перу молодого Пестеля принадлежит неизвестное в литературе ученическое сочинение «Землеописание Российского государства», которое мы датируем и по содержанию, и по событиям его жизни 1808—1809 гг. Именно в это время Пестель, возвратившись в Россию после 4-летнего пребывания в Германии, готовится с приглашенным из Пажеского корпуса «профессором политических наук» К. Ф. Германом к поступлению «в верхний класс» Пажеского корпуса, курс которого он затем блестяще окончил за полтора года — 14 декабря 1811 г.

Сочинение представляет собой последовательное изложение географических сведений о всех частях Российской империи. Оно написано четким, но не совсем устоявшимся почерком, тщательно оформлено — в прекрасном кожаном переплете с тиснением и золотым обрезаем. Известно, что родители Пестеля очень ревностно относились к образованию и воспитанию обоих сыновей, особенно гордясь необыкновенными успехами старшего — Павла. Это дает основание предполагать, что «Землеописание», имеющее характер итогового, экзаменационного, должно было быть домашним сочинением. На это указывает и художественно выполненный переплет, в котором книга предназначалась для хранения в домашней библиотеке. Именно благодаря этому обстоятельству она и смогла сохраниться для потомков. Это произ-

ведение поможет осветить малоизученный период становления личности выдающегося деятеля своего времени.

К. Ф. Рылеев, являющийся одним из зачинателей революционной гражданской поэзии, представлен автографом думы «Владимир Святой», написанной в 1822—1823 гг. По цензурным соображениям стихотворение не вошло в сборник «Думы» К. Рылеева, изданный в Москве в 1825 г. Впервые оно было опубликовано только в 1871 г. в «Русской старине», а затем издавалось уже и в советское время по единственному автографу Архива ЛОИИ.

Близким другом К. Ф. Рылеева был талантливый литератор А. А. Бестужев. Именно Рылеев рекомендовал и принял А. Бестужева в Северное общество, вместе с ним с 1823 по 1825 г. он издавал альманах «Полярная звезда». В архиве хранится письмо А. А. Бестужева (3 декабря 1824 г.) из Петербурга матери П. М. Бестужевой в имение Сольцы Новоладожского уезда, в котором он описывает грандиозное наводнение в Петербурге в ноябре 1824 г. В связи с этим событием Пушкин посвятил А. Бестужеву шутивную эпиграмму:

Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась Полярная звезда.
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты.

(1825 г.)

Нужно упомянуть еще одного декабриста, сотрудничавшего с К. Рылеевым и А. Бестужевым. Это А. О. Корнилович, историк и издатель, автор многих печатных работ, в основном по русской истории XVII—XVIII вв. К поэме К. Рылеева «Войнаровский», вышедшей отдельным изданием в 1825 г., А. Корнилович (как и А. Бестужев) написал пространную пояснительную статью «Жизнеописание Мазепы».

В архиве есть письмо А. Корниловича известному московскому издателю Н. А. Полевому. Оно написано в декабре 1832 г. в урочище Царские Колодцы, в 120 верстах от Тифлиса. Сюда после ссылки в Сибирь и четырехлетнего пребывания в Петропавловской крепости бывший штабс-капитан Генерального штаба А. Корнилович был переведен рядовым в действующую Кавказскую армию, где и погиб в 1834 г.

Материалы о князе С. Г. Волконском представлены в архиве в основном в виде автографов, причем все они относятся к периоду войны 1812 г. и заграничных походов 1814—1818 гг. Это рапорты и приказы, подписанные генерал-майором С. Волконским. Кроме того, сохранилось частное письмо Волконского в Париж по денежным вопросам (1819 г.).

Совершенно особое место в архивном собрании занимает декабрист В. П. Ивашев. Это объясняется тем, что в ЛОИИ хранится семейный фонд П. Н. Ивашева, в котором есть и разнообразные материалы В. П. Ивашева, члена Южного общества, близкого соратника П. Пестеля, одного из первых читателей и критиков его «Русской правды».

Это первые письма В. Ивашева из Петропавловской крепости (с февраля 1826 г.), иногда даже просто записочки, торопливо написанные на обрывках бумаги, на обратной стороне конверта, которые тайно переправлялись из крепости его отцу, приехавшему из Симбирской губернии хлопотать за сына.

Его отец, инженер-генерал П. Н. Ивашев, был интереснейшей фигурой среди деятелей своего времени, отличился в кампании 1812 г. и был хорошо известен в Петербурге.

В 1836 г. В. П. Ивашев, отбыв каторжные работы, был переведен на поселение в г. Туринск и начал регулярно переписываться с родителями и сестрами. Почти всегда письма, начатые им, продолжает его жена Камилла Петровна (Лёдантю). Письма привлекают своим необыкновенно теплым тоном, трогательной заботой о родных, желанием облегчить невзгоды, вызванные осуждением и ссылкой их единственного сына. Сохранилось около 80 писем с 1837 по 1840 г.

«Памятная книжка», подаренная В. П. Ивашеву родителями в 1836 г., содержит его записи о рождении детей, памятных днях и именинах, а также дорожные заметки при переезде семьи из Петровского Завода в Туринск; последняя запись в книжке сделана в день смерти К. П. Ивашевой — 30 декабря 1839 г.

Если сибирская переписка Ивашевых отчасти уже использовалась и в художественной, и в научно-популярной литературе, то бумаги, отложившиеся после смерти В. П. Ивашева в 1840 г., почти не изучались. Среди них привлекает внимание такой документ, как «Условие» (1841 г.), по которому пермские крестьяне Глазковы обязуются доставить «к госпоже-иностранке Марье Петровне Ледантю» (мать Камиллы Ивашевой) в с. Ундоры Симбирской губ. различной клади в ящиках и тюках общим весом 85 пудов. Последним пунктом в перечне вещей записаны «семь мешков кедровых орехов». Эта деталь как бы подводит черту сибирскому периоду жизни Ивашевых с его трагическим концом. Сама М. П. Ледантю не могла позаботиться о вещах, так как на ее руках осталось трое осиротевших внуков (старшей было всего 6 лет), и она после многократных прошений о возвращении уехала с ними из Сибири в июле 1841 г.

Все хлопоты по найму, упаковке и денежным расчетам взяла на себя «вдова-порутчица» С. И. Маврина. Как нам удалось установить, это родственница декабриста Басаргина (на ее дочери Н. Басаргин женился в Сибири), стремившаяся как можно лучше выполнить это нелегкое поручение.

В этом же фонде хранится письмо и самого Н. В. Басаргина, близкого друга В. П. Ивашева. Член Южного общества, Н. В. Басаргин, как и В. П. Ивашев, был осужден по II разряду и вместе с ним прошел все этапы ссылки. В большом подробном письме от 4 апреля 1841 г. он сообщает старшей сестре Ивашевых Е. П. Языковой о смерти В. П. Ивашева и о последних месяцах его жизни. (К 1841 г. отца и матери Ивашевых уже не было в живых, и Е. П. Языкова оставалась старшей в семье).

В Архиве ЛОИИ имеется еще один семейный фонд — декабриста С. Н. Кашкина. Правда, С. Кашкин не принимал активного участия в движении. Он известен скорее как двоюродный брат князя Е. П. Оболенского, который и принял Кашкина в тайное общество. После 14 декабря С. Кашкин был арестован и содержался около года в Петропавловской крепости, а затем был сослан в Архангельск под надзор полиции. Старший сын С. Н. Кашкина Н. Кашкин был известным петрашевцем.

Архив С. Н. Кашкина включает несколько сот единиц хранения и является частью громадного фонда Кашкиных, охватывающего XVI—XIX вв. Он еще совершенно не изучен и, по-видимому, скрывает немало находок не только по истории декабризма, но и по истории провинциальной России различных периодов.

В заключение можно остановиться на любопытном предмете, в котором неожиданно был обнаружен автограф декабриста В. Л. Давыдова.

Это салонный альбом, принадлежавший Федосье Бутурлиной. Он украшен акварелями и содержит стихи, ноты, эпиграммы на русском и французском языках, датированные в основном 1806—1809 гг. Среди авторов встречаются такие известные в литературном мире имена, как В. Л. Пушкин, П. А. Вяземский, Ю. А. Нелединский-Мелецкий и др.

Здесь три стихотворных автографа молодого Василия Давыдова, который в это время был произведен в корнеты лейб-гвардии Гусарского полка. Альбом также еще будет предметом изучения исследователей, занимающихся началом XIX в.

Кроме личных материалов, как уже указывалось, в Архиве хранятся и официальные документы о жизни и деятельности декабристов.

Это «Объявление» петербургского обер-полицмейстера Шульгина от 30 декабря 1825 г. о розыске В. Кюхельбекера, с описанием его примет. Оно рассылалось во множество мест, и примечательно, что один из экземпляров объявления сохранился в коллекции П. Доброхотова, который тогда был священнослужителем Виленской епископии (т. е. именно в тех местах, по которым пробирался после восстания 14 декабря В. К. Кюхельбекер из Петербурга в Варшаву).

Несколько документов знакомят нас с сибирским периодом жизни декабристов.

Первый из них — небольшой отрывок из официального дела,

содержащий решение Сената от 25 января 1828 г., согласно которому «отставному полковнику Александру Муравьеву разрешается вступить в гражданскую службу» в Восточной Сибири, «не выезжая за пределы оной».

А. Н. Муравьев еще в 1816 г. вместе с Никитой Муравьевым и другими декабристами основал первое тайное политическое общество — Союз спасения — и был редактором Устава Союза благоденствия. Впоследствии он отошел от участия в обществах, чем и объясняется мягкость приговора А. Муравьеву: единственный среди декабристов, он был сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства. В 1828 г., получив разрешение на гражданскую службу, он стал иркутским городничим и использовал свое служебное положение и относительную свободу действий для борьбы со взяточничеством и произволом, которые процветали в сибирском захолустье.

Второе дело касается так называемой «ялуторовской колонии» декабристов.

14 декабря 1835 г. в Ялуторовске был оставлен «на вечном поселении» после отбытия каторжных работ И. Д. Якушкин, сюда же были переведены из Березова А. В. Ентальцев с женой и Черкасов, М. Муравьев-Апостол из Вилюйска Якутской губернии, братья Бобрищевы-Пушкины из Красноярска, из Туринска после смерти Ивашевых переселились И. И. Пущин и Е. П. Оболенский. Ялуторовск стал, таким образом, одним из центров поселений декабристов. Здесь стараниями Якушкина и во многом на его средства были открыты две приходские школы: для мальчиков (с 1842 г.) и для девочек (с 1846 г.), которые к 1856 г. окончили свыше 700 учащихся.

В Архиве сохранилась часть переписки, содержащей секретные «предписания» тобольского губернатора ялуторовскому городничему за январь—февраль 1846 г.

В одном из них тобольский губернатор требует уточнить список тех поселенцев «из государственных преступников», кому запрещено личное получение корреспонденции, указав при этом, кто из них женат и следует ли корреспонденцию получать на имя жены.

Другое «предписание» запрещает поселенцам «из государственных и политических преступников» иметь дагерротипы или портреты. Следующее содержит запрос тобольского губернатора о том, кто «из государственных преступников или польских мятежников», находящихся на поселении, нуждается в пособии от казны на 1846 г., на что ялуторовский городничий указывает, что более всех нуждаются В. К. Тизенгаузен и вдова А. В. Ентальцева.

Бесстрастный язык этих официальных циркуляров знакомит нас с жизнью декабристов в 40-е годы, когда они, отбыв каторгу, вышли на поселение. Прошло уже двадцать лет с начала сибирской ссылки, но читателя поражает по-прежнему жесткая и ме-

лочная регламентация их жизни, которая неуклонно проводилась царской администрацией.

У местных жителей декабристы заслужили глубокое уважение своим бескорыстием и просветительской деятельностью, но для правительственных чиновников они все еще оставались «государственными и политическими преступниками».

Следует отметить еще один вид архивных материалов, непосредственно связанных с деятельностью декабристов, хотя это не личные бумаги и не официальные документы.

Мы имеем в виду коллекцию Г. С. Батенькова, хранящуюся в Архиве ЛОИИ.

Гавриил Степанович Батеньков (Батенков) был уроженцем Тобольска, прошел всю войну 1812 г. и оставил военную службу в 1816 г., после тяжелого ранения. Выдержав экзамен в Институте инженеров путей сообщения, он вернулся в Сибирь, чтобы руководить постройкой дорог. Там он познакомился с М. М. Сперанским, который сразу же оценил честного и талантливого инженера и пригласил его в Петербург, назначив правителем дел Сибирского комитета. В Петербурге Батеньков вступил в Северное общество. После поражения декабрьского восстания Г. С. Батеньков на 20 лет был заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости и только в 1846 г. отправлен на поселение в Томск.

Вернувшись в 1856 г. после общей амнистии в Россию, он жил в Калуге. Незадолго до смерти, в 1862 г., Батеньков прислал в Петербург в Археографическую комиссию пакет с собранными им актами по истории Сибири, которые он предложил использовать для издания. Всего коллекция Батенькова насчитывает 79 ед. за 1655—1691 гг. Шесть из них были опубликованы в ДАИ (т. VIII и IX). Это документы по вопросам управления Сибирью в XVII в., о хлебопашестве и промыслах, по истории городов Нерчинска и Томска.

В литературе уже отмечались разносторонние дарования Батенькова — инженера, архитектора, экономиста. Его коллекция, собранная, по-видимому, в годы ссылки, характеризует Г. С. Батенькова и как историка, интересовавшегося прошлым своей родины.

Наконец, еще один документ, полученный Археографической комиссией от декабриста, члена Северного общества графа В. А. Мусина-Пушкина. Это грамота 1556 г. Ивана IV Троице-Сергиеву монастырю на двор в Москве (опубликована в АИ, т. I). Вероятнее всего, грамота является одним из немногих документов знаменитой коллекции его отца — «археолога» графа А. И. Мусина-Пушкина, случайно уцелевшим после московского пожара 1812 г., в котором погибло множество уникальных памятников русской древности.